

Эмилия Кирилловна Пименова

**Франциск Ассизский. Его
жизнь и общественная
деятельность**

Эмилия Кирилловна Пименова
Франциск Ассизский. Его
жизнь и общественная
деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175744

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

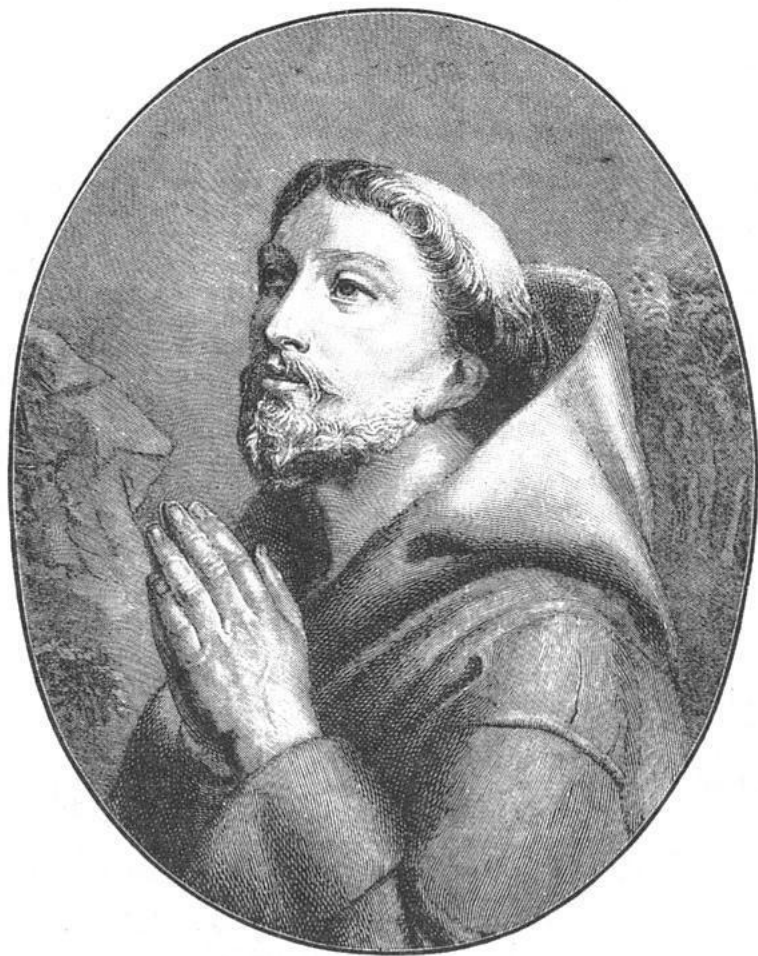
Вступление	6
Глава I	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Э. К. Пименова

Франциск Ассизский

**Его жизнь и общественная
деятельность**

**Биографический очерк
*С портретом Франциска,
гравированным в
Лейпциге Геданом***

Вступление

Nihil habentes, omnia possidentes¹

Если мы будем рассматривать историю не как перечень фактов и событий, описание битв, переворотов и перемен династий, а постараемся проследить эволюцию идей и чувств народов, понять настроение людей той или другой эпохи, то увидим, что в конце XII и в начале XIII века как будто новая свежая струя пронеслась над Европой, раздробленной и измученной кровавыми раздорами и распрями. В обыкновенные времена каждый народ живет своими отдельными интересами, своими радостями и печальями, но когда наступает кризис, — солидарность человеческого рода выступает особенно ярко и с такой силой, которую трудно было бы подозревать. Так было в 1789 году, так было и в XIII веке, когда Франциск Ассизский начал свою проповедь возрождения христианства.

Никогда, ни прежде, ни в последующие эпохи, границы не имели так мало значения и не было такого смешения национальностей и сближения народов, как в эту знаменательную эпоху.

“Нищенствующие ордена, — говорит биограф Франциска Ассизского, Поль Сабатье, — были при своем возникнове-

---

¹ Ничего не имеющий, всем владеющий (лат.).

нии настоящими международными учреждениями. Когда в 1216 году св. Доминик собрал в Нотр-Дам-де-Пруиль своих братьев, их оказалось шестнадцать, и в том числе были: кастильцы, наваррцы, нормандцы, французы, лангедокцы и даже англичане и немцы. Еретики странствовали по всей Европе и нигде их не останавливала разность языка. Арно де Брешиа, например, знаменитый римский трибун, появляется во Франции, в Швейцарии и даже в Германии”.

Великое движение мысли в XIII веке было прежде всего религиозным движением, но носило светский характер. Оно вышло из недр народа и, несмотря на разные колебания и уклонения, все-таки стремилось к одной цели – отнятию святыни из рук духовенства. Тринадцатый век можно назвать не только веком святых, но и веком еретиков. Никогда еще церковь не была более могущественной, но никогда она и не подвергалась большей опасности. Быть может, если бы попытка религиозной революции, произведенная Франциском Ассизским, увенчалась успехом, она привела бы к уничтожению касты духовенства и к провозглашению прав индивидуальной совести. Но попытка эта потерпела фиаско, и позднее реформация произвела перемену лишь в том отношении, что власть священника заменилась властью писаний. “Но это была лишь перемена династий”, – замечает Поль Сабатье.

В то время, когда Франциск Ассизский начал свою проповедь, римская церковь давно уже служила предметом ужаса

для всего христианского мира. Запятнавшая себя убийствами и корыстолюбием, то униженная, то жестокая в минуты своего торжества, западная церковь заслонила собою Бога от лица людей. Она прервала общение человека с Богом и заменила искреннюю веру такими добрыми делами, которые, по понятиям церкви, означали приношения верующих в казну духовенства. Церковь старалась возбуждать в верующих сознание полного бессилия, страх гибели без заступничества священника, служителя церкви, являющегося во всех случаях посредником между верующими и Богом.

Вынужденная часто защищать свое существование, церковь сделала своим кумиром власть и богатство. Она то прибегала к грубой силе, то обращалась к религиозному энтузиазму народов, то пускала в ход подкуп. В этом водовороте земных страстей погибло все, что составляло некогда основу христианства; Евангелие было забыто, и его заменили узкие фарисейские теории.

“Священник в XIII веке, – говорит Поль Сабатье, – был антитезой святого и почти всегда его врагом. Отделенный от всего остального человечества священным миропомазанием, считающий себя представителем Всемогущего Бога, – священник сам становился для народа чем-то вроде божества, облеченного таинственной властью, могущего вредить или приносить пользу, – человеком, к которому надо приближаться с трепетом благоговения. Святой же, наоборот, ничем не выдавал своей миссии, но жизнь его и слова прони-

кали в душу и покоряли все сердца. Он не нес обязанностей в церкви, но у него внезапно являлась потребность возвыситься в ней свой голос. Дитя народа, он понимал все его материальные и нравственные нужды и слышал голос его сердца”.

Таков был Франциск Ассизский; таковы были и все святые XIII века. Они были по преимуществу пророками, но не на основании посвящения церкви, а вследствие внутреннего призвания.

“Как только священник чувствовал, что он побежден пророком, – говорит Сабатье, – он тотчас же менял свое отношение к нему и брал его под свое покровительство; он вносил тогда проповедь пророка в священные книги и набрасывал на его плечи священническое облачение. Проходили дни, года, и, наконец, наступал такой момент, когда толпа переставала различать священника от пророка и видела в пророках продукт духовенства. В этом именно и заключается самая горькая ирония истории”.

Франциск Ассизский был святым средних веков. Ничем не обязанный ни церкви, ни школе, он в самом деле может быть назван “теодидактом”. Если даже он и не признавал революционного значения своей проповеди, то тем не менее он всегда отказывался быть рукоположенным в священники; он понимал, что его духовное священство много выше.

Франциск был дитя народа, и народ узнавал себя в нем. Его идеи были народными идеями, и он воплощал в себе душу итальянской нации совершенно так же, как вопло-

тил ее позднее Данте. Он усвоил себе все народные стремления, его поэзию, его надежды. В Ассизи так же, как и во многих других итальянских городах, население делилось на два класса: богатых и бедных, “popolo grasso” и “popolo minuto”. Франциск Ассизский стал решительным образом на сторону последних. В этом заключалась политическая сторона его апостольства, и этим объясняется изумительный успех и популярность францисканского движения с самого начала его возникновения.

Италия, измученная войнами, опустошавшими ее, раздираемая междоусобицами, разоренная и разграбленная, почувствовала точно веяние свежей струи, возрождавшей ее к новой жизни, когда раздалась проповедь Франциска. Победа итальянских городов над войсками германского императора вновь возбудила надежду на возвращение национальной независимости страны. Но не одна Италия встрепенулась, когда возникло францисканское движение. Вся христианская Европа, измученная и истерзанная страхом перед Страшным судом, ожидающая пришествия антихриста как кары за все свои беззакония, тщетно искала дороги к спасению и жаждала мира и спокойствия души. Многие, стремясь найти этот покой и спасение, скрывались в стенах монастырей. Но монастыри могли приютить лишь небольшую часть христианского мира, и при этом монашество далеко не всем доставляло удовлетворение. Народ не получал из монастырей благой вести утешения и любви; монахи если и обретали

сами спокойствие души, то все же не умели доставлять его другим. Они были слишком далеки от мира, и их молитвы не были слышны народу; кроме того, монастыри, вынужденные защищать свое благосостояние, имущество и независимость от разных посягательств, носили характер настоящих крепостей.

Францисканское движение, которое привело к образованию религиозного монашеского ордена, вначале было как бы выражением протеста христианской совести против “монахизма”; во всяком случае оно стремилось установить идеал, гораздо более высокий, чем тот, который существовал у тогдашнего духовенства. Франциск Ассизский не думал ни о преобразовании церкви или свержении ее недостойных служителей, ни о восстановлении монашества и удалении от мира. Он стремился лишь к обновлению душ путем возрождения христианства в его первобытной чистоте; он жаждал увлечь церковь на путь усовершенствования, пробудить в ней стремление к евангельскому идеалу. Он признавал, что в удалении от мира для созерцательной жизни заключается глубокий эгоизм, и поэтому не поддавался искушению уйти от действительной жизни, со всеми ее горестями, злом и несчастием. Он видел раны и старался излечить их, вместо того, чтобы бежать от них. Он не только проповедовал любовь, но и весь был переполнен любовью и состраданием ко всем живущим в мире. Он шел не к счастливым и здоровым, а к бедным, несчастным, забытым, презираемым, к прока-

женным и разбойникам.

Весьма вероятно, что пробелы теологического образования Франциска Ассизского принесли ему только пользу в его деятельности. Если бы он хорошо знал духовную дисциплину, то был бы обязан ее соблюдать; но так как она была ему совершенно незнакома, то, благодаря своему неведению, он часто нарушал ее бессознательно и становился настоящим еретиком, по понятиям церкви, сам не подозревая этого.

Официальные биографы Франциска Ассизского обыкновенно впадают в ошибку, стараясь как можно более разукрасить его образ и его жизнь. За этими украшениями искусственным сиянием, окружающим его, зачастую исчезает действительный образ замечательного “апостола нищеты”, гораздо более прекрасный. Жизнь Франциска Ассизского сама по себе так хороша, что не нуждается в прикрасах, и духовные авторы оказывают ему плохую услугу, стараясь выделить из среды всего остального человечества, как будто он не имеет с ним ничего общего.

Такие авторы, стремясь окружить Франциска как можно более лучезарным сиянием, представить его как отмеченного божественной печатью с самого рождения, как “родившегося святым”, а не сделавшегося им впоследствии, быть может, и возвышают его в глазах суеверных людей, но тем не менее лишают его жизнь той поучительности, которую она должна была бы иметь. Святой стоит так высоко над человечеством, что простые смертные не могут следовать его при-

меру, ибо они не отмечены божественной печатью, — не считая его таким же человеком, как и мы сами, мы не слышим внутреннего голоса, который бы говорил нам: “Иди и поступай так!”. Мы поклоняемся ему как существу высшему, но не стремимся подражать ему.

Но когда Франциск Ассизский начал свою проповедь, он еще не был окружен тем ореолом недостижимой святости, каким окружают его теперь официальные биографы. Измученные, страдавшие люди чувствовали в нем брата, понимающего их и болеющего о них; они видели в нем своего руководителя — и все, что было лучшего тогда в стране, устремилось по его следам.

Глава I

Детство и юность Франциска Ассизского. – Разгульный образ жизни. – Болезнь и нравственный перелом. – Неудачный поход. – Душевная борьба. – Паломничество в Рим. – Франциск обретает душевный покой

Маленький городок Ассизи, родина Франциска, до сих пор еще сохранил свою средневековую наружность, невзирая на то, что пронеслись века, с тех пор как оттуда раздались слова кроткой проповеди мира и любви. Узкие длинные улицы, дома, сохранившие свой прежний тип, развалины феодального замка – все это напоминает о далекой старине и переносит посетителя в те отдаленные времена, когда провансальская поэзия только что начала распространяться в итальянских городах, внося с собою свет и веселье в души людей, охваченных постоянным ужасом под влиянием мыслей об ожидающем их вечном наказании за грехи и страхом перед грозною властью церкви. Средние века особенно тяжело отзывались на городках подобных Ассизи, где постоянно сталкивались власть церкви и феодальных баронов. Население терпело от этой распри, от притеснений светской и духовной власти и, склоняясь под тяжестью угроз, с тоскою жаждало вести утешения и мира.

Скромный городок гористой Умбрии Ассизи жил собственной жизнью, не тронутый цивилизацией больших го-

родов, как Флоренция, Милан и др., но тем не менее процветал, благодаря торговле. Поэзия трубадуров, проникшая в Италию, оказала свое влияние и на жителей Умбрии, развив у них вкус к пышным празднествам, к любовным песням и т. п. Чем мрачнее казалась окружающая жизнь, тем с большей страстностью искали люди забвения или в вихре наслаждений, в искусственной поэзии, или в суровом аскетизме и умерщвлении плоти. Люди того времени обладали всеми пороками, исключая пошлости, всеми добродетелями, кроме умеренности; это были разбойники или святые. Жизнь была слишком тяжела, и слабые погибали в большинстве случаев, следствием чего и явилось преобладание энергичных характеров. Надо было ежеминутно заботиться о предупреждении опасностей, угрожающих человеку со всех сторон, и приходилось принимать быстрые и энергичные решения. Всевозможные распри, войны, заговоры и почти повальные избиения побежденных, борьба папства с империей, с еретиками, неверными и тому подобные условия постоянно поддерживали людей в возбужденном состоянии, вызывая в их воображении картины, то исполненные ужаса, то наполнявшие душу блаженством. Одним словом, мысли людей той эпохи постоянно вращались вокруг рая и ада, заставляя их искать спасения в такого рода проявлениях благочестия, которые нас, людей другой эпохи, могут поражать своею полною нелепостью и несообразностью.

В такую-то тяжелую эпоху всеобщего смятения умов, в

1182 году, у зажиточного ассизского торговца сукном, Петра Бернардоне, родился сын, названный матерью при крещении Джованни, но затем переименованный отцом, по возвращении из Франции, где он находился во время рождения сына, во Франциска. Биографы Франциска мало сохранили сведений о его родителях, хотя впоследствии легенда, как и следовало ожидать, сильно разукрасила вымыслами его рождение. Известно, однако, что отец Франциска был богат, так как торговля приносила ему хорошие доходы.

В те времена жизнь купцов в значительной мере отличалась от теперешней. Им приходилось очень много разъезжать, совершая даже довольно отдаленные путешествия, чтобы запастись товарами. Путешествия эти зачастую были сопряжены с немалыми опасностями вследствие того, что дороги находились в первобытном состоянии, и разбойники беспрепятственно хозяйничали в стране. В своих разъездах торговцы различными тканями посещали замки феодальных владельцев, где появление их всегда составляло событие, так как они привозили не только товары, но и свежие новости с разных концов страны. Поэтому они всегда были желанными гостями в замках; их удерживали подолгу, расспрашивали обо всем. Понятно, это вызывало некоторого рода сближение между аристократией того времени и крупными торговцами, так что в некоторых странах, например, в Провансе, на купцов смотрели почти как на дворян, но лишь второго разряда.

В религиозных движениях XIII века купцы играли далеко не последнюю роль именно потому, что они разносили по разным местам не одни только товары, но идеи, преимущественно религиозного характера, так как религиозные новости больше всего интересовали людей той эпохи, благодаря господствовавшему направлению мыслей. Во время своих странствований по белу свету купцы очень часто являлись сознательными или бессознательными проводниками идей — еретических, революционных и др. — и немало способствовали распространению некоторых сект и ересей.

Весьма возможно, что Петр Бернардоне своими рассказами по возвращении из разных поездок бессознательно способствовал появлению некоторых идей в душе сына, из которых впоследствии развилось его призвание; вероятно впечатлительный ребенок с интересом прислушивался к рассказам отца, отражавшим в себе не только мировоззрения эпохи, но и все ее ужасы и противоречия.

Когда Франциск подрос, его отдали в школу, находившуюся в те времена, как и везде, под кровом церкви. Наставниками Франциска были, конечно, священники, научившие его немного по-латыни, а этот язык был наиболее распространен и употреблялся как для проповедей, так и для политических сношений. Но Франциск, кроме того, знал и французский язык, которому вероятно научился в родной семье. Этим и ограничилось образование Франциска; он даже не научился хорошенько писать и поэтому брался за пе-

ро лишь в исключительных случаях, предпочитая диктовать и подписывать свои писания простым крестом. По словам одного из биографов Франциска, Сабатье, хранящийся в “Casto Convento”² подлинный автограф Франциска указывает на крайнюю неуверенность почерка, как бы свидетельствующую о том, что святой мало упражнялся в письме.

Жизнь Франциска в первые годы его детства ничем не отличалась от жизни других детей его возраста. В Умбрии, как и в Тоскане, у детей и теперь замечается склонность к забавам, которые бы им давали возможность выказывать в особенном блеске свои достоинства. Они любят изображать рыцарей, воинов, устраивать процессии, и конечно, Франциск, как сын зажиточных родителей, благодаря богатству и личным качествам, должен был играть одну из главных ролей в таких забавах, и всегда шествовал во главе процессий, устраиваемых его городскими сверстниками.

---

² “Священная обитель” (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.